

Писать о Ленине почти невозможно. Каждый, кто жил в России до перестроечных лет, поймет это без дальнейших слов. Я же разъясню это несколько ниже. А сейчас, после трех киноработ о Ленине позволю себе сказать так: Ленин совсем не такой, каким его принято воссоздавать пером или кистью. Радикально иным он сложился во мне после достаточно пристального соприкосновения с материалами, к нему относящимися — конечно, до той ватерлинии, до которой я подпускался к ним.

И как раз таким, как я, о нем здесь поведу речь.

Таким, какой он во мне.

Именно это представляется мне правдой.

Однако хочу сразу сказать: перед вами не грамота для исторических справок. Тут есть и то, что подкреплено только самым зыбким и озадаченным из всего, что здравствует в нашей сумятице: воображением.

Но без допущений нет искусства. И даже сырья к нему.

Итак:

Этого не знала даже Крупская

Я видел Ленина всего однажды: в начале двадцатых, в день, когда он в память погибших революционеров открывал мемориальную доску на Кремлевской стене. В своей речи он назвал тогда этот свиток жертв мариологом. Я, гимназист, не знал в те далекие времена смысла этого загадочного слова. Но, пожив, узнал. И мог бы добавить к той кремлевской доске еще сотни тысяч имен, если бы сумел втиснуть туда всех ухлопанных и затравленных теми, кто годами потом вел речи вплотную возле той же стены, уже с ленинского мавзолея.

Словом, я видел воочию Ленина всего один раз, но написал о нем сообща с режиссером Юткевичем три сценария.

Писать о Ленине в нашей стране, как я уже говорил, фантастически трудно. Все процеживается неопровержимо свидетельствующими, привычно лгущими, ювелирно сличающими то, что ты написал, с тем, каким Ленин вмурован навеки по табели.

Тут трудятся и старосветские большевики, и юные, еще не опомнившиеся от дипломов редакторши. И те, и другие — самое безжалостное для сочинителя и уж, конечно, для сценариста. Они вымарывают в вашем сценарии любую смятенность вождя, любую его неуверенность, нетвердость, неверность и уж, конечно, такие немислимые свойства, как вероломство, неискренность, фальшь. Они тянут автора вниз, в пыль к подошвам, к тому, что стократно истоптано и насквозь известно. Рубят все, чего нет в свидетельствах, в документах, но по логике понимания образа должно быть. Ведь каждому автору Ленин видится по-иному — только тогда это вправду Ленин.

А без этого, без того, что могло бы быть, не существует художественной верности искусства, тогда это всего лишь жернова, перемалывающие одно и то же. Пух и перья.

Каким истинно был Ленин? Этого, по моим наблюдениям, не знал никто. Включая и Крупскую. Во всяком случае, никто, с кем я по этому поводу общался. А общался я со многими и различными — ведь писал я о Ленине (плохо, а может, и не совсем) сцена-

рии для кино. Каждый, кого я перед этим расспрашивал, говорил о нем по-разному. Большинство робко, чугунолитейно, с кляпом в гортани, колени-нопреклоненно, как и было положено говорить о Вожде. Таких невозможно было сдвинуть с того, что принято. За ними стояла власть, армия, флот. Плюс авиация.

Заметное меньшинство начинало с тех же позиций, но понемногу, увлекшись, переступало черту того, что приказано вспоминать. И говорило, правда, косясь по сторонам, все просторней, открытее. Словно выпрастывалось из-под одеяла. И тогда оказывалось, что и в Ленине были дыры и кляксы, к тому же весьма отчетливые. И я заметил, что рассказывающий, если решался что-либо прошелестеть, не без удовольствия говорил о них. Но спохватившись и придавив удовольствие, вскоре же опять переползал на поэмы о том, что всем нязубок известно. Что раз навсегда придумано, осмотрено, отштамповано и врыто, как монумент. В цветах и одеколоне.

Я думаю, что Ленин, в противовес легализованным суждениям, был весьма скрытным человеком. Он был МНОГИМ и ВСЯКИМ в зависимости от того, что требовалось по обстоятельствам и кем был его собеседник. И совсем не таким прямодушным, как живописуют мифы. Он был разнообразней, криволинейней да и хитрей того имиджа, который десятками лет пытались ввинтить нам в душу. Разномастным и кажущимся.

Впрочем, таков удел всякого, кого сохранила История — в позор или в похвалу. Сколько людей настаивали на дружеской близости с ним, но не было никого, о ком можно сказать, что он был ему СОКРОВЕННО близок. Вздохом и выдохом спаянным с ним.

Вздорен и недоверчив. Порой высокомерен и всегда деспотичен. Очень самолюбив. Однако высокая (но тайная) самооценка причудливо сплеталась в нем с традиционной для демократа ПРИРАВНЕННОСТЬЮ в соприкосновении с людьми.

Предвижу, какая брань обвалится на меня за это утверждение. Однако настаиваю на нем.

Не было у него друзей! Включая и Крупскую. Не отступлюсь от этого, как и от многого из того, о чем вслед за этим скажу.

Завещано полагать, что он был как бы елочным дедом — добрым, заботливым, мягким, неким партийным, душевным, святочным ведундом, озаренным любовью и несчастным, которыми (к бездонной скорби его) веками кишит земля. Таким, кому дорога быльница и клейкий весенний листок. Нет, он не был таким.

И в нем, в его естестве — подоплека всего, что явил собой большевизм.

Сталин, сколь не пытаются это опровергнуть, действительно прямой его ученик.

С одной стержневой поправкой. Ленин — русский интеллигент, пусть мегатонны брани и желчи истратил он, чтобы ошеломить ИНТЕЛЛИГЕНТА. Он вырос в русской прогрессивной интеллигентной семье, и это происхождение не растворилось в нем до самой кончины, сколь ни прославлял он пролетариат, его разум, силу и предназначение. Он корень в корень российской радикальной образованности на новом витке ее общественного развития. С ее (если взглянуть в него попристальной, не торопясь) рефлексамии, порывами, слабостями, нравственными смятениями. Да, кстати, и с бетховенскими сонатами. В Ленине туча самых различных черт, порой опронидывающих одна другую, наседающих друг на друга. Это сложноплетенный характер, а мы рисуем его двумя, ну тремя мазками.

Вот этого, «Лунной сонаты», начисто нет у Сталина, хотя, как гласит молва, он любил, чтобы Жданов брэнчал на пианино.

Робеспьер с гнездившимися глубоко атертymi в кожу и душу осколками российской интеллигентской сути. Таков Ленин. Это чистая правда.

Однако правда и в том, что все свои помыслы, надежды, бессонье, веру, любовь он без остатка (а это случается баснословно редко) отдал Идею. Его незгоды при этом, конечно, ничто преувеличены но все же они были такими, которые тысячи тысяч заставили отступить. Он не отошел ни на шаг. Он дрался впрямую, в душу, в гибель и кровь.

И дрался не дрогнув.

Хотя, как и все политики всех времен, губил несчетное множество человечества, вызывая и бесценности каждого отдельного человека.

Нет, это был не святочный, а упрямый дед. Беспощадный, жестокосердный. С родимыми, чисто российскими умилными всплесками доброты. Среди расстрелов.

Мы с Юткевичем не могли по отмеченным обстоятельствам представить его таким, каким он взаправду был. Все, кроме мудрости, безгрешия и доброты, пресекалось цензурой. Даже плевков поверх урны. А с ним это однажды случилось в Швейцарии. Мы мечтали лишь об одном: смыть с него бронзу, сделать ближе, душевней, ошибочней, оплошней, колеблющимся. И даже проклинающим себя за ошибки. Трудно сейчас воспринять всю дерзость такого намерения, если не взять в расчет, что киноруководство,

сражавшееся в те годы с религией столь же самозабвенно, сколь рьяно оно привержено Господу Богу в наши дни, было непоколебимо. Им нужен был Ленин с нимбом. Священный Ленин. Бесплотный и сладкогласный. Предвечный и вездесущий. Постоянно праведный. Творец земли, неподкупности и порядка. Ленин, благословляющий все справедливое и самое кроткое из всего справедливого. Ленин — Христос, но в жилетке, при галстучке и с партийным билетом. Всевышний, начальствующий чекистами. Командующий истиной и милицией.

И что же — Партия с годами тоже становилась Предвечной. Директором канцелярий и истины.

И самое удивительное — большевизм все плотней делался слепком ленинского характера: нетерпимость, непререкаемость, уверенность только в своей правоте.

И вот что еще я бы прибавил к тысячесловно, сказанному о Ленине, если бы писал о нем заново, в наши дни: Ленин НЕНАВИДЕЛ тех, кто был несогласен с ним. Они были ему ФИЗИЧЕСКИ ОМЕРЗИТЕЛЬНЫ.

Так вот — такой стала и Партия — НЕНАВИДЯЩЕЙ.

Ленин был нетерпим. Беспощадно, яростно, бешено (любимое его слово)

нетерпим. И не только к врагам, но и к тем, кто был рядом, но в чем-то не согласился с ним. Пусть в слове, пусть даже в том, как подчеркнута это слово. Пререкания, которыми он бурлил, полны брани. И передержек. Нередко блестящих.

Он любил спорить и вообще находиться в состоянии, которое сам же именовал «драчкой». Дышал этой драчкой даже с самыми близкими, в самые темные царские времена. Не чурался напраслиа, нацеленных в тех, с кем чертыхался. С кем бурлил в чащобах марксизма. А ненавидел он люто. Яростно и жестоко. Если согласен с ним — друг. На время, пока согласен. Не согласен — враг. И ничего от благодарного. И не жди от него пощады. Ни в спорах, ни в пуле.

Много читал и знал, но узковато для того великолепного европейского уровня думал. Обожал спорить, но препирался на узком, в сравнении со сверстниками по столетию, пространству. На уровне среднего поднебесья.

И если отбросить привычный марксистский туман, то (еще раз гвоздите меня!) именно тут, в этих малогабаритных, полугабаритных и очень заметных чертах его склада, пружина партийных раздоров у самых завязок. С большевиков и меньшевиков.

Да, кроме прочего, еще и характер Ленина. Он, именно он! Его натура всосалась в натуру партии, а постепенно и всей огромной страны, создав именно то, чем мы жили десятилетиями, да и живем, скажу откровенно, сейчас. Хотя и нацелив в Ленина перья и митинги.

Этот феномен мало подмечен историками, фиксировавшими все, вплоть до того, с кем спал император Траян. А ведь Траян, есть сплетня, был не слишком силен по интимной части, и отыскивать тех, кого он любил, было нудно и тянуло вышить и закусьить.

Сюжеты о Партии Большевиков! Не то, что о ней годами привычно строчилось в газетах и книгах, а все наглухо скрытое, запрятанное по душам, кельям и тайникам. Все петли и микросрезы партии. Все извилины, завороты, зигзаги. Весь долголетний лукавый процесс. От бесстрашной преданности до толстопузого чванст-

ва. От царских централов до чиновней напыщенности и высокомерия такого накала, какой не часто встречался в подлунном мире, где, как известно, наталкиваешься на все.

Трескучесть, таинственность, безоговоренность. Это — Партия. Ведь скрывались не только ее червонцы — прятались нравы и души. Вот о спрятанных душах и рассказать!

А теперь такой странный вопрос: увлекался ли Ленин женщинами? Не знаю. Я этого не сыскал, сколько не рылся в воспоминаниях.

Но вот однажды нам с Юткевичем попала в Париже заметка в старой французской газете, рассказывающая о любви Ленина к одной из своих соратниц. Газета была популярная, нарасхват. Беспартийная. Скажем так: бульварная пресса.

Однако эта выцветшая бульварная заметка оказалась, сколь это ни удивительно, настоящей на таком бульоне социализма, что обойти вниманием сюжет, затронутый в ней, было нелегко.

Он сводился к тому, что в дни своего последнего пребывания в Париже, перед первой войной, Владимир Ильич влюбился в некую политэмигрантку. Имени ее я не стану тут называть, вы его знаете, оно отмечено едва ли не во всех наших политпросвещенческих букварях, конечно, без лирических уточнений. К слову, биография этой женщины в свой черед настолько удивительна и широкообхватна, что я не могу взять в толк, как она до сих пор стыдливо обойдена нашим искусством.

Евгений ГАБРИЛОВИЧ

Вообще разумелось, что сексуальные завихрения недопустимы для настоящих большевиков. И, уж конечно, невероятны для Ленина.

Так это или нет, но сюжет, изложенный в той парижской газете, развивался так: Владимир Ильич явился к Крупской и, будучи человеком честным (да вдобавок, как подчеркивала газета — социалистом), признался, что полюбил другую. Тогда, по тексту той же газеты, Крупская ответила ему так, как могла бы ответить только сощгероиня. «Мне больно, — сказала она. — Но твое душевное равновесие (писал, как видно, слышном мощным болюшью виртуоз пера) так дорого партии, что ты волен действовать, как решишь. Хочешь — уйди, хочешь — останься».

Владимир Ильич, по словам автора, попросил двадцать четыре часа на раздумие. И по прошествии суток — остался.

Так значилось в этой старой парижской газете. Представьте, какой восторг вызвал бы этот пассаж у наших редакторов. И все же он показался нам настолько сощреалистичным, что мы решительно отклонили его.

Хотя Господь видит, как нам хотелось, чтобы Ленин наконец влюбился!

Так и остался наш «Ленин в Париже» без лирики, всего лишь с глухим намеком на вероятность ее.

Был ли Ленин велик? И этого я не знаю. В одно время с ним, тут же рядом в России и вне ее жили умы необъятной мощи, пронзительной глубины, принесшие человечеству Непреходящее. Он же всегда пребывал не далее марксистского пятячка. Но именно Ленин озарен таким венцом МУДРЕЦА, на который он по спокойным меркам не мог питать особой надежды.

Конечно, он стоял у штурвала неограниченной власти, и, значит, непогрешимость и мудрость разумелась сами собой: закономерность, остро проследживаемая во всем движении человечества.

Вот я и написал наконец о Ленине все, что думал о нем.

* * *

Сколько же я всего повидал! Трудно вообразить более разноцветный век. Геройство, мерзость, вероломство — все, что люди искусства столетиями пытались вбить в холст, чернила, ноты и глину — все это вплотную